

ПИСАТЕЛИ О ВЛАСТИ: ПОЭТИКА VS ПОЛИТИКА

WRITERS ON POWER: POETICS AND POLITICS

УДК 821.112.2.09.17'1

DOI: 10.31249/chel/2022.03.01

Синило Г.В.

ПОЭТ И ВЛАСТЬ В ЛИРИКЕ Ф.Г. КЛОПШТОКА[©]

*Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, sinilo@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию коллизии «поэт и власть», а также представлений о поэте и поэзии в лирике выдающегося немецкого поэта-новатора Фридриха Готлиба Клопштока (Friedrich Gottlieb Klopstock, 1724–1803). Утверждается, что именно он в эпоху Просвещения создает в Германии гражданскую и политическую лирику, выступает против тирании, абсолютизма, осуждает захватнические войны. Показаны предпосылки формирования свободолюбия и гражданской позиции поэта, связанные в том числе с его воспитанием в лоне пиетизма. Клопшток выступил с резкой критикой придворной поэзии, против всяческого раболепия перед властью имущими, сильными мира сего, считая это недостойным подлинного поэта, унижающим его священный дар. Анализируется также отношение поэта к Великой Французской революции и борьбе французского народа за свободу, осуждение им агрессивных войн и якобинской диктатуры. Особое внимание уделяется концепции поэта и поэзии в творчестве Клопштока. Согласно его мысли, поэт несет ответственность прежде всего перед Богом, собственной совестью, народом и историей и не имеет права запятнать себя лестью и ложью – ни по отношению к народу, ни тем более по отношению к власти имущим. Показана значимость для Клопштока в этом плане Библии как архетекста (смысло- и текстопорождающего текста) и особенно библейской архетекстуальности, связанной с пророческими книгами и Книгой Псалмов.

Ключевые слова: немецкое Просвещение; Ф.Г. Клопшток; коллизия «поэт и власть»; гражданская и политическая лирика; пietизм; Библия; пророческие книги; Книга Псалмов; архетекстуальность.

Получена: 04.03.2022

Принята к печати: 14.05.2022

Sinilo G.V.
Poet and power in the lyrics of F.G. Klopstock[®]

*Belarusian State University,
Minsk, Belarus, sinilo@mail.ru*

Abstract. The paper is devoted to the study of the collision “poet and power”, as well as ideas about the poet and poetry in the lyrics of the outstanding German poet-innovator Friedrich Gottlieb Klopstock (1724–1803). We argue that it was he who, in the Age of Enlightenment, truly created civil and political lyrics in Germany, opposed tyranny, absolutism, and condemned wars of conquest. We show the prerequisites for the formation of the love of freedom and the civic position of the poet, which are connected, among other things, with his upbringing within the framework of pietism. Klopstock fiercely criticized court poetry, all servility to those in power, the mighty of this world, considering it unworthy of a true poet, humiliating his sacred gift. We also analyze the poet's attitude to the Great French Revolution and the struggle of the French people for freedom, his condemnation of aggressive wars and the Jacobin dictatorship. We pay special attention to the concept of the poet and poetry in the work of Klopstock. According to his thought, the poet is primarily responsible to God, his own conscience, people and history and has no right to compromise himself with flattery and lies – neither in relation to the people, nor even more so in relation to those in power. We show the significance for Klopstock in this regard of The Bible as an archetext (meaning- and text-generating text) and especially the biblical archetextuality associated with the prophetic books and *The Book of Psalms*.

Keywords: German Enlightenment; F.G. Klopstock; collision “poet and power”; civil and political lyrics; pietism; The Bible; prophetic books; *The Book of Psalms*; archetextuality.

Received: 04.03.2022

Accepted: 14.05.2022

Введение

Творчество выдающегося поэта-сентименталиста Фридриха Готлиба Клопштока (Friedrich Gottlieb Klopstock, 1724–1803) стало подтверждением зрелости немецкого Просвещения, а его имя уже современниками, особенно молодым штюрмерским поколением, воспринималось как символ свободолюбия и вызов тирании, как синоним гордого самосознания поэта и независимости его духа. В «Поэзии и правде» Гёте писал: «...неминуемо должна была прийти пора, когда поэтический гений себя осознает, создаст для себя соответствующие условия и положит начало своей независимости и достоинству. В Клопштоке объединилось все для начала подобной эпохи» [Гёте, 1976, с. 334–335].

Поэзия Клопштока впервые столь полно продемонстрировала тот органичный синтез эмоциональности и аналитичности, экспатичности и глубины философской мысли, которым отличается немецкая «лирика мысли и природы» (Gedanken- und Naturlyrik), традиции которой были заложены Б.Х. Броккесом и А. Галлером. Клопшток кардинально обновил язык поэзии, сделав его более динамичным и экспрессивным, ввел в немецкую (и, шире, европейскую) лирическую поэзию античные строфические размеры (элегический дистих и эолийские логаэды – алкееву, сапфическую, асклепиадову строфы) и сделал их органично-немецкими. Он создал новаторские лирические жанры философской и любовной оды, написанной логаэдами, и религиозно-философского гимна «в свободных ритмах» (in freien Rhythmen), т.е. в форме верлибра, намного опередив свое время и предвосхитив поэзию XX в. Клопшток выступил новатором и в жанре эпопеи, создав обширную лирическую эпопею – «Мессиаду», написанную гомеровским дактилическим гексаметром (гекзаметром), который именно он впервые научился правильно имитировать в системе силлаботоники. Он впервые ввел в немецкую поэзию древнегерманскую героику, образы и мотивы скандинавской и кельтской мифологии, что будет чрезвычайно важно для штюрмеров и романтиков. Однако не менее важным было то, что Клопшток по-настоящему создал в Германии гражданскую и политическую лирику, стал в сознании современников и последующих поколений защитником свободы, страстным противником тирании, утвердил особое понимание роли поэзии и предназначения поэта.

Творчество Клопштока достаточно полно и всесторонне изучено немецким литературоведением (и в целом западноевропейским). Особенно показательно нарастание интереса к новаторским особенностям его поэтики в конце XX – начале XXI в. и прежде всего к многомерным связям его поэзии с Библией: это работы К. Колль [Kohl, 1990; Kohl, 2000], Б. Малиновски [Malinowski, 2002], коллективная монография «Слово и Писание – творчество Фридриха Готлиба Клопштока» под редакцией К. Хиллиарда и К. Колль [Wort und Schrift, 2008].

В советском и постсоветском пространстве творчество Клопштока изучено недостаточно. Ему посвящены обширный и глубокий, но все же с неизбежным налетом идеологических установок того времени очерк Б.Я. Геймана в академической «Истории немецкой литературы» [Гейман, 1963], небольшой раздел в главе С.В. Тураева о немецкой литературе XVIII в. в академической «Истории всемирной литературы» [Тураев, 1988], а также отдельные статьи автора этих строк [Синило, 2002; Синило, 2018; Синило, 2019].

Однако ни в зарубежном, ни в российском и, шире, постсоветском литературоведении нет отдельных работ, в которых исследуются формирование и сущность гражданской позиции Клопштока, его взгляды на коллизию «поэт и власть», его представления о предназначении поэта и поэзии не только в контексте просветительской идеологии, но и в свете библейской архетекстуальности (под архетекстом мы понимаем древний текст-образец, обладающий повышенной аксиологической и художественной значимостью, выполняющий смысло- и текстопорождающую функции).

Таким образом, цель настоящего исследования – выявление специфики взглядов Клопштока на проблему «поэт и власть», на предназначение поэта и поэзии в контексте его просветительского мировоззрения, религиозных убеждений и библейской архетекстуальности. Основными методами исследования являются биографический, контактно-генетический, культурно-исторический, компаративный, а также метод целостного анализа художественного текста.

Предпосылки формирования гражданской позиции Клопштока и его представлений о поэте

Свободолюбие будущего поэта, его неприятие любых видов угнетения человека, его представление о правах человека как священных, дарованных Богом, формируются еще в детстве и ранней юности. Весьма существенно то, что Клопшток родился в пietистской семье. Пietизм, сложившийся в конце XVIII в., был новым явлением немецкой мистики, сыгравшей очень значительную роль в развитии немецкой культуры и литературы XVII в. Уже в этом столетии мистика (прежде всего Я. Бёме, И.В. Андреэ и розенкрайцеры, великие мистические поэты Ангелус Силезиус и К. Кульман) находилась в оппозиции застывшей догматике, церковной рутине, в поисках «истинного христианства», «жизни по правде». Пietизм, основоположниками которого были Ф.Я. Шпенер и А.Г. Франке, делал ставку на внутреннее преодоление человеком своей греховности, на нравственное самосовершенствование, на воспитание человеком в себе самом интенсивного религиозного чувства, способности ощущать присутствие Бога. Они культивировали общение верующих вне церковных стен, объединялись в братства и часто совсем выходили из-под опеки официальной церкви, выбирали пасторов из своей среды. Внесословный подход к человеку, обусловленный библейскими представлениями (все люди – потомки одного Первочеловека, одной Первосемьи), «практическое» христианство (благотворительность, помочь ма-лоимущим, открытие бесплатных школ для детей из бедных слоев общества), упор на преображение мира через духовно-нравственное воспитание человека сблизили пietистов и немецких просветителей. Большой резонанс имела знаменитая книга пietиста Г. Арнольда «Беспристрастная история Церкви и ересей» (1699–1701), которая помогла многим просветителям (в том числе и Гёте) утвердиться в свободной религиозности, не связанной с церковным официозом.

Таким образом, высокая степень самосознания личности, ощущающей над собой власть Бога как единственную разумную и легитимную, скептическое отношение к официально навязываемым ценностям, к земным властителям были впитаны Клопштоком практически «с молоком матери» благодаря его семье и пiet-

тистскому воспитанию. Это изначально предопределило глубокую и искреннюю веру, особую религиозную экзальтацию, присущую ему как человеку и поэту, равно как и его внутреннюю свободу, связанную с ответственностью за свой выбор. Гёте пишет: «Это был юноша чистых чувств и нрава. Серьезно и основательно воспитанный, он с самого раннего возраста придавал большое значение самому себе и своим поступкам; наперед обдумывая и соразмеряя каждый жизненный шаг, он, уже предчувствуя свою духовную мощь, обратился к наивысшей теме – Мессии...» [Гёте, 1976, с. 335]. Пиетистское воспитание, основанное на библейских ценностях, приучало будущего поэта к мысли, что подлинная вера делает человека истинно свободным, что страх Божий освобождает его от всех других видов страха – в том числе перед сильными мира сего.

Страстное свободолюбие Клопштока, ненависть ко всем формам тирании, конечно же, связаны и с местом его рождения, с атмосферой его родного Кведлинбурга. Этот саксонский город недолго до рождения будущего поэта отошел под юрисдикцию Пруссии, что его граждане восприняли с большим недовольством. В самой атмосфере Кведлинбурга витал дух сопротивления тирании, тем более что Пруссия все больше и больше сворачивала на казарменно-военный путь и пыталась объединить под своей эгидой немецкие княжества.

Полученные в семье импульсы дополняются и развиваются во время учебы Клопштока в 1739–1745 гг. в старинной богословской школе Шульпфорта близ Наумбурга, где он еще более углубил свои знания Священного Писания и по-настоящему открыл для себя мир античной литературы, читая ее в оригинале – на греческом и латыни. Именно здесь окончательно определяются три наиболее релевантные для поэта культурные стихии – Библия, античность и собственно германская традиция. Уже в Шульпфорте Клопштока влекут к себе германские древности, древнегерманская героика, которую он сопоставляет и соединяет с современностью.

Шульпфорта была старинной классической гимназией с весьма вольнолюбивыми традициями. Здесь учеников учили мыслить, здесь живо обсуждались пути дальнейшего развития немецкой литературы, в частности, полемика между И.К. Готшедом и «швейцарцами» – швейцарско-немецкими критиками И.И. Бодмен-

ром и И.И. Брейтингером. Готшед, создатель просветительского классицизма в Германии, реформатор литературного языка, призывал ориентироваться на достижения французского классицизма XVII в. и при этом излишне рационализировал поэзию, в сущности, изгоняя из нее воображение и метафоричность. В противовес ему «швейцарцы» развивали концепцию воображения, отстаивали пластическую, живописную силу поэзии. В качестве образца поэзии, соединяющей воображение и наглядную убедительность, глубоко эмоциональной, исполненной высокого религиозно-нравственного чувства, «швейцарцы» выдвигали «Потерянный Рай» Дж. Милтона.

Страстно веря, что именно поэзия может открыть новые пути создания национальной литературы и культуры, Клопшток еще в Шульпфорте решает писать героическую эпопею, чтобы доказать, что и на немецком языке возможно создать произведение большого масштаба. Поначалу он обращается к истории Генриха I Птицелова, который в 933 г. отразил нашествие венгров на Саксонию и могила которого находится в Кведлинбурге. Но под влиянием «швейцарцев» замысел поэта меняется: вместо воинского подвига он решает воспеть «подвиг Спасения», вместо кайзера – Христа, Его самопожертвование во имя человечества. Вступая в дерзкое соревнование с Милтоном и его «Потерянным Раем», Клопшток начинает писать большую поэму о Христе и называет ее «Мессия» (*Der Messias*), но иногда именует «Мессиадой» (*Die Messiade*). Само это название указывает на то, что библейская тема здесь получает воплощение в русле гомеровской традиции. Подчеркивает это и стихотворная форма – гексаметры. Вся эпопея, работе над которой Клопшток посвятит четверть века, является авторским парафразом Библии и пронизана ее духом, особой библейской чувствительностью и «слезностью», еще более усиленной поэтом-сентименталистом, который, кажется, впервые дал немецкому языку такую свободу дыхания и выражения тончайших нюансов чувств. Гёте писал: «Искупитель должен был стать его героем, которого он вознамерился провести через всю земную юдоль и страдания к высшему небесному торжеству. В этом должно было соучаствовать все Божественное, ангельское и человеческое, что заложено в молодой душе. Воспитанный на Библии и вскормленный ее мощью, Клопшток, словно современник, общается с праотцами, пророками и

предтечами, но все они, во все века, составляют лишь нимб вокруг Спасителя...» [Гёте, 1976, с. 335].

Еще одним важным фактором формирования мировоззрения и гражданской позиции Клопштока стало усиленное штудирование им во время учебы на богословском факультете Лейпцигского университета (1746–1748) современной философии. Особенно сильное впечатление произвели на него сочинения Г.В. Лейбница – и его «Монадология», и особенно его «Теодицея». Поэт все больше укрепляется в мысли о возможности органичного совмещения веры и философского познания мира, религиозного чувства и защиты естественных прав и свобод человека. Важно было и то, что в Лейпциге Клопшток нашел единомышленников, вошел в круг «бременцев» – молодых поэтов. Многие из них были студентами Лейпцигского университета, но издавали в Бремене свой журнал – «Бременские материалы» (*Bremer Beiträge*). Поначалу «бременцы» разделяли позицию Готшеда (он был профессором Лейпцигского университета, и у него здесь было много сторонников), да и в целом его литературная «диктатура» казалась незыблемой. Однако именно тогда, когда в группу «бременцев» входит Клопшток, они склоняются к позиции «швейцарцев» и отстаивают поэзию «естественного» чувства, идущую от сердца и не подражательную, но оригинальную. Клопшток в силу характера и пietистского воспитания привнес в кружок «бременцев» особую «серафическую» восторженность. Его окрыляет предчувствие грядущих перемен, и он убежден, что именно поэты должны стать духовными лидерами поколения, именно поэзия может кардинально изменить сознание, а тем самым – и всю действительность.

В 1748 г. в «Бременских материалах» были опубликованы три первые песни «Мессиады», после чего Клопшток получил широчайшую известность в Германии. Поэт воспринимает пришедшую к нему славу как величайшую ответственность перед Богом, народом, самим собой. Как скажет Гёте (с легкой иронией и с несомненной теплотой и любовью), «величие темы возвысило поэта в его собственных глазах. Надежда, что сам он воссоединится с этим хором, что Богочеловек его отличит, с глазу на глаз отблагодарит за усилия, как слезами уже благодарили его в этом мире чувствительные сердца, – все эти невинные, ребяческие мечты могли взрасти лишь в праведном сердце. Таким образом, Клоп-

шток завоевал себе право рассматривать себя как священную особу и во всех своих действиях стал блюсти заботливую чистоту» [Гёте, 1976, с. 335].

Действительно, с этого момента Клопшток понимает, что подлинный человек, а поэт в особенностях, не может жить по двойному стандарту. Он должен быть во всем образцом нравственности, верности себе и Богу. Клопшток сознательно выстраивает и свою личную жизнь по законам «естественного» чувства. Свой идеал поэт обрел в Маргарите Моллер – Мете, Цидли его поэзии. Однако счастье с ней было очень недолгим: Мета умерла через пять лет после свадьбы. Клопшток, оставшись вдовцом в 33 года, будет до конца жизни хранить верность рано ушедшей возлюбленной и воспевать ее в своих стихах.

Во всем Клопшток оставался человеком самых твердых нравственных принципов и горячим приверженцем свободы в жизни и творчестве. Жажда свободы и презрение к обеспечивающей материальное благополучие поэта придворной поэзии не позволяли ему занять место поэта при дворе какого-нибудь князя (курфюрста). Та же жажда свободы, противостояние любой опеке, сковывающей творчество, помешает Клопштоку на более долгий срок задержаться в Цюрихе, куда его пригласил Бодмер в июле 1750 г. для завершения «Мессиады». В 1751 г. он переезжает в Копенгаген, где его горячие почитатели (среди них – юные братья Штольберги, будущие поэты гёттингенского «Союза Роши») выхлопотали ему стипендию при дворе датского короля Фридриха V. Клопшток соглашается на это только при условии, что от него не потребуют никакой службы при дворе в качестве придворного поэта. К тому же Фридрих V во многом приближался к идеалу «просвещенного» монарха, проводил толерантную и миролюбивую политику.

Когда после смерти Фридриха V ситуация в Копенгагене кардинально меняется, Клопшток возвращается на родину и поселяется в Гамбурге, вольном ганзейском городе. Он готовит к публикации свои произведения, и выход в свет в 1771 г. его сборника од и гимнов становится одним из крупнейших событий литературной жизни Германии XVIII в. С особым восторгом приветствует Клопштока молодое штурмерское поколение, видя в нем своего учителя и пример для подражания, в том числе и во взглядах на

взаимоотношения поэта и власти, на природу творчества, на предназначение поэта и поэзии.

Поэт и князья: критика придворной поэзии в творчестве Клопштока

В XVIII в., как и в предшествующем столетии, типичным явлением для многочисленных немецких княжеств (как известно, их было около трехсот) была придворная поэзия. Должность придворного поэта давала необходимые средства для существования, но поэты, естественно, должны были во всем угоджать князю и вельможам при дворе. С самого начала своего пути Клопшток выступил с критикой мелкотравчатой, угодливой и уродливой придворной поэзии, наполненной раболепием перед сильными мира сего. Более того, с самого начала своего творческого пути поэт стремится привить ростки гражданского сознания и чувства национального достоинства своим соотечественникам, предложить новые идеалы и образцы для подражания. И если придворные поэты воспевали прежде всего сильных мира сего и воителей, порой «подтягивая» какие-нибудь маневры Августа Саксонского до уровня Троянской войны, как это делал, например, И. Кёниг – придворный поэт в Дрездене, то Клопшток утверждает, что хвалы достойны лишь те, кто боролся за свободу народа и кто вносил и вносит огромный вклад в развитие его культуры – философы, ученые, поэты.

Уже в ранних одах поэта выступают два типа героев: те, кто с оружием в руках защищали родину в справедливой войне, как Герман (Арминий) – вождь германцев, боровшийся с римлянами (оды «Вопросы» – *Die Fragen*, «Герман и Туснельда» – *Hermann und Thusnelda*, 1752), или Генрих Птицелов (*Heinrich der Vogler*, 1749), и те, кто создавал культуру народа. Так, в «Вопросах» (первоначальное название «Немцы», *Die Deutschen*) поэт говорит о двух героях, которыми немцы могут гордиться, – это Герман и Лейбниц, ведь «мыслителя жизнь еще живет среди нас» (“Des Denkers Leben lebet noch unter uns!”) [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 113]). Клопшток убежден, что «творение Мастера, которое от высокого духа крылатого нисходит, как и героическое деяние, бессмертно» (“Das Werk des Meisters, welches von hohem Geist / Geflügelt hinschwebt, ist, wie des Helden That, Unsterblich!”) [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 114]).

В оде «Кайзер Генрих» (*Kaiser Heinrich*, 1764) Клопшток противопоставляет Генриха VI самому Карлу I Великому. Последний был жестоким завоевателем, который огнем и мечом утверждал христианство, что противно идеалам Христа, и совсем не ценил поэзию: “Bist du, der Erste, nicht der Eroberer / Am leichenvollen Strom? und der Dichter Freund? / Ja, du bist Karl! Verschwind, o Schatten, / Welcher uns mordend zu Christen machte!”¹ [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 201].

Все величие Карла Великого в глазах Клопштока не стоит ничего, ибо оно связано с кровью и насилием. Гораздо ближе его душе Генрих VI, который покровительствовал миннезингерам и сам был поэтом. Автор утверждает, что слава поэта долговечнее славы любого императора, что она больше и дольше украшает голову, чем корона монарха, и от имени своего героя говорит: “...doch misst' ich eh / Die Kron', als Muse, dich! und euch, ihr / Ehren, die länger als Kronen schmücken!”² [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 203].

В оде «Королю» (*Für den König*, 1753), в которой поэт входит в образ Псалмопевца (“Psalter, singe dem Herrn!”)³ [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 137]), он утверждает, что хвалы достоин лишь тот монарх, который прислушивался к Богу и, как в таких случаях говорит Библия, «ходил путями Его», и должен быть заклеймен позором деспот и завоеватель, чьи руки в крови. Его настигнут проклятия людей и гнев Божий. Клопшток пишет об этом с необычайной экспрессией, гневом, сарказмом: “...Weh dem Erobrer, / Welcher im Blute der Sterbenden geht, // Wenn die Rosse der Schlacht gezähmter wüten, / Als der schäumende Held nach Lorbern wiehert! / Stirb! so tief sie auch wuchsen, / Fand sie des Donnerers Auge doch auf! // Flüche folgen ihm nach!”⁴ [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 138].

¹ «Разве ты, Первый, не завоеватель / У трупами заполненного потока? и разве поэтов друг? / Да, ты Карл! Исчезни, о тень! / Тот, кто нас, убивая, обращал в христиан!» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г.С.).

² «...все же утратил я раньше / Корону, нежели, Муза, тебя! и тебя, ее / Слава, которая дольше, чем корона, украшает!»

³ «Псалтирь, воспой Господа!»

⁴ «Горе завоевателю, который в крови умирающих шествует, // Когда присмирили боевые кони, / Когда взмыленный герой о лаврах ржет! / Умри! Как бы глубоко они ни возросли, / Настигло их око Громовержца! // Проклятия следуют за ним!»

Как многие просветители, Клопшток считал приемлемой формой правления конституционную «просвещенную» монархию, когда на троне находится толерантный, гуманный правитель, философ, окружающий себя подобными же людьми. Именно они формируют «просвещенное» мнение, которое «правит миром» и формирует новую среду, меняющую сознание человека. Приближение к такому «просвещенному» монарху поэт видел в личности датского короля Фридриха V, которому посвятил одноименную оду (*Friedrich der Fünfte*, 1750), и именно потому, что он – не только король, но и подлинный христианин (“*der König und Christ*” [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 89]). Безусловно, Клопшток идеализирует Фридриха V, но в сравнении с немецкими князьями, чаще всего руководствовавшимися собственными эгоизмом, тщеславием, произволом, датский король кажется ему приближающимся к идеалу. Тем не менее, чем дальше, тем больше поэт разочаровывается в монархии, пусть и просвещенной, ибо власть – слишком большое искушение для человека. И для него несомненной истиной является то, что поэт должен служить не королю, не князю, но Богу и народу.

Варьируя мотив «Памятника» Горация, Клопшток в оде «Наши князья» (*Unsere Fürsten*, 1766) говорит о том, что слава поэтов переживает славу князей, хотя последние считают бессмертными себя и уже при жизни воздвигают себе монументы и дворцы из мрамора. Эти дворцы рухнут, ведь рушатся даже пирамиды, завшиеся вечными. Вместе с именами князей навсегда будут забыты те поэты, которые только льстили сильным мира сего: “*Ryramiden sanken! der Wandrer findet / Trümmer nur noch! Lobschrift, welche die Burg / Des Fürsten nur kante, sie schläft / In dem Goldsaal, wie im Grabe!*”¹ [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 253]. Высшим наказанием в системе этических и поэтических принципов Клопштока является то, что угодливые панегирики никогда не прозвучат в священном месте – в Роше, где поют песни барды, аккомпанируя себе на бардовской лире *телин* (*Telin*), и важно, что эта дубовая Роща – преемница пальмовой Рощи Сиона, где звучали песни, вдохновленные Богом.

¹ «Пирамиды сгинули! Путник находит / Только обломки [руины]! Панегирик, который лишь замок / Князя ограждал [украшал], он спит / В золотом зале, как в могиле!»

Гражданская позиция поэта подтвердилась и в знаменитом эпизоде биографии Кlopштока, когда в 1774 г. он попытался найти пристанище в Карлсруэ, при дворе одного из германских князей – маркграфа Карла Фридриха Баденского. При этом поэт вел себя столь независимо, столь открыто осуждал угодливость придворных и особенно придворных поэтов, что это вызвало всеобщее возмущение при дворе. В марте 1775 г. Кlopшток демонстративно покинул Карлсруэ, даже не простившись с маркграфом. В связи с этим была написана его знаменитая ода «Восхваление князей» (*Fürstenlob*, 1775), название которой нужно понимать в диаметрально противоположном смысле. Действительно, в нем заключена глубокая ирония, ибо это не восхваление, а обличение князей и угождающих им придворных поэтов. Поэт, обращаясь к собратьям по перу, говорит, что все сильные мира сего – тираны, завоеватели – считают великими себя и украшают свои гробницы мраморными статуями. Но для поэтов этот мрамор станет позором, если они будут воспевать как богов этих «тараканов и орангутанов»: “Und deckte gebildeter Marmor euch das Grab; / Schandsäul’ ist der Marmor: wenn euer Gesang / Kakerlaken oder Orangutane / Zu Göttern verschuf”¹ [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 12]. Для Кlopштока такое с сотворение кумиров, продиктованное верноподданическими настроениями и элементарной жаждой обогащения, – самое худшее из идолопоклонств. Подлинный поэт никогда не унизится до подобного «творчества». Кlopшток начинает свою гневную оду с того, что благодарит свой дух, который ни разу не осквернил святое искусство поэзии низкой лестью и воспеванием тиранов: “Dank dir, mein Geist, dass du seit deiner Reife Beginn, / Beschlossest, bey dem Beschluss verhartest: / Nie durch höfisches Lob zu entweihn / Die heilige Dichtkunst, // Durch das Lob lüstender Schwelger, oder eingewebter / Fliegen, Eroberer, Tyrannen ohne Schwert...”² [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 11].

Во время поездки в Карлсруэ Кlopшток заезжает в Гётtingен, где его восторженно встречают и чествуют поэты «Союза Роши».

¹ «И украсили мраморные изваяния вашу гробницу; / Позорный столб – мрамор, если ваша песнь из тараканов и орангутанов / Богов создает».

² «Спасибо тебе, мой дух, за то, что с начала твоей зрелости, / Решил, укрепившись твердо в решении: / Никогда придворной лестью не осквернять / Святое искусство поэзии, // Ни хвалой похотливым гулякам или плетущим сети / Интриганам, завоевателям, тиранам без меча...»

Два раза (по дороге в Карлсруэ и обратно) он встречается во Франкфурте-на-Майне с Гёте, который также относится к нему с необычайным благоговением. Неслучайно местом своего постоянного обитания Клопшток выбирает именно Гамбург – вольный ганзейский город, напоминающий республику. Именно в Гамбурге Клопшток встречает весть о начавшейся во Франции революции и не может не откликнуться на эти события.

Клопшток и Великая Французская революция

Горячий приверженец свободы, Клопшток приветствует начавшуюся в 1789 г. Французскую революцию. Многие его оды 1789–1792 гг. посвящены Французской Республике и французскому народу, его борьбе за свободу, за самоопределение, за выбор собственного пути. В оде «Познайте себя» (*Kennet euch selbst*, 1789) Клопшток с восторгом говорит о том, что Франция совершила прорыв к свободе и что это – величайшее событие истории: “Frankreich schuf sich frey. Des Jahrhunderts edelste That hub / Da sich zu dem Olympus empor!”¹ [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 129]. Поэт призывает немецкий народ познать себя самого, найти свой путь к свободе, разорвать цепи рабской покорности и молчания: “...O Schicksal! das sind sie also, das sind sie, / Unsere Brüder, die Franken! Und wir? / Ach, ich frag umsonst, ihr verstummet, Deutsche! Was zeigt / Euer Schweigen? bejahrter Geduld / Müden Kummer? oder verkündet es nahe Verwandlung?”² [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 129].

Поэт хочет видеть свой народ преображенными, свободными. 14 июля 1790 г., в годовщину взятия Бастилии, он решается на очень смелый поступок: на торжестве по этому случаю в Гамбурге читает свою новую оду с показательным названием: «Они, а не мы» (*Sie, und nicht wir*, 1790), где «они» – это французы (франки), «мы» – немцы. Ода открывается словами о том, что если бы поэт имел тысячу голосов, их не хватило бы, чтобы прославить Галлию и ее свободу: “Hätt’ ich hundert Stimmen; ich feyerte Galliens

¹ «Франция сотворила себя свободной. Столетия благороднейшее деяние / Вздымается ввысь на пути к Олимпу!»

² «...О судьба! итак, это они, это они, / Наши братья, то франки! А мы? / Ах, я вопрошаю напрасно, вы безмолвствуете, немцы! Что значит / Ваше молчанье? застарелое терпенье / усталой печали? иль возвещает оно близкое преображенье?»

Freyheit” [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 143]. В оде выражено восхищение Францией, которая взошла на вершину свободы, и скорбь по поводу того, что этого не сделала Германия. Поэт напоминает, что на берегах Америки также возгорелось пламя свободы, имея в виду борьбу США за независимость и возникновение республики. В этом, знает он, участвовали и немцы, но печаль не оставляет его оттого, что этого не произошло в Германии: “...An Amerika’s Strömen / Flamt schon eigenes Licht, leuchtet den Völkern umher. / Hier auch winkte mir Trost, er war: In Amerika leuchten / Deutsche zugleich umher! aber er tröstete nicht”¹ [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 143].

Клопшток искренне сочувствует Франции, ведущей войну за свободу. Оставаясь, несомненно, патриотом Германии, он понимает любовь к родине так, как понимали ее библейские пророки: эта любовь включает в себя и ненависть ко всему, что позорит родину в глазах Бога и человечества. Клопшток совершает смелый поступок: посыпает главнокомандующему немецко-австрийской армией, вторгшейся во Францию, свою оду «Освободительная война» (*Der Freiheitskrieg*, 1792), в которой утверждает, что народ, вдохнувший воздух свободы, нельзя покорить огнем и мечом, и напоминает о неминуемом суде Божьем над теми, кто затеял завоевательную войну. Именно Клопшток создает эти неологизмы, прижившиеся в немецком языке, – *Freiheitskrieg* «освободительная война», *Eroberungskrieg* «завоевательная война». Всеми силами души он ненавидел войну вообще, но считал абсолютно неприемлемой именно завоевательную войну и в какой-то мере необходимой войну за свободу.

После этого выступления Клопштока его имя как певца свободы, как защитника Французской Республики становится известным всей Европе. 26 августа 1792 г. Национальное собрание Франции присуждает ему звание почетного гражданина Французской Республики (из немцев этого звания были удостоены также Ф. Шиллер и демократический публицист И.Г. Кампе). Клопшток восторженно принимает это, по его словам, «беспримерное, величайшее отличие». Однако весьма показательно, что буквально в

¹ «...На реках Америки / Возгорелся уже собственный свет, светящий народам вокруг. / Здесь также дает мне знак утешения, он был: В Америке сияли / Немцы одновременно вокруг! но он не утешил меня».

следующем, роковом для Франции и Европы, 1793 г., когда Робеспьер установил свою диктатуру, начался якобинский террор и Франция вступила на путь завоевательных войн, Клопшток осудил путь насилия и террора: оды «Мое заблуждение» (*Mein Irrtum*, 1793), «Завоевательная война» (*Der Erobrungskrieg*, 1793), «К тени Ларошфуко» (*An la Rocheſoucauld's Schatten*, 1793). Это еще раз говорит о его величайшей последовательности и верности своим принципам: с его точки зрения, подлинная свобода не может быть связана с диктатурой и насилием, с завоевательной политикой. Последовательность Клопштока проявилась и в его ответе Лафатеру, который посоветовал ему вернуть обратно диплом гражданина Французской Республики. Отказавшись сделать это, поэт заявил: «Я считаю несправедливым делом объявить себя враждебным целой нации только потому, что среди ее представителей оказались негодяи» [приводится по: Гейман, 1963, с. 178].

Последнее десятилетие жизни Клопштока было наполнено горькими разочарованиями, и прежде всего из-за войн в Европе, свидетелем которых он стал. Одно из поздних стихотворений – «Разрыв» (*Losreifung*, 1801) – начинается горькими словами: “Weiche von mir, Gedanke des Kriegs, du belastest / Schwer mir den Geist!”¹ [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 174]. В мире, где все кричали о войне и победах, он мечтал о гармонии и мире между народами, о красоте природы и искусства, которые даруют вдохновение – несмотря на приближающийся призрак смерти: “Schöne Natur... o blühen vielleicht mir noch Blumen? / Ihr seid gewelkt; doch ist süß mir die Erinnerung. / Auch des heiteren Tags Weissagung / Hellet den trüben mir auf”² [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 175].

Возможно, эти строки поэта отсылали к его собственной оде «Пророчество» (*Weissagung*, 1773), в которой он выразил свою страстную надежду: “Nicht auf immer lastet es! Frei, o Deutschland, / Wirst du dereinst! Ein Jahrhundert nur noch, / So ist es geschehen, so herrscht / Der Vernunft Recht vor dem Schwertrecht!” [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 8] – «Вечно ли бремя? Оковы твои, Германия, / Падут в грядущем! Еще лишь столетие, – / Все сбудется, восторжествует /

¹ «Прочь от меня, мысль о войне, ты угнетаешь / Тяжко мой дух!»

² «Прекрасная природа... расцветут ли еще для меня цветы? / Вы увижете; все же мне сладостно воспоминанье. / Также ясного дня пророчество / Светит мне, омраченному».

Право разума над правом меча» (*пер. А. Гугнина*) [приводится по: Вебер, 1985, с. 266].

Последняя строка как нельзя лучше выражает лучезарную мечту всего века Просвещения, и Клопшток был одним из тех, кто приближал ее осуществление, преобразуя сознание своих современников. Он свято верил в особую миссию поэта и поэзии, ведь еще в ранней оде «Моим друзьям» (*Auf meine Freunde*, 1747), которая стала своеобразным паролем кружка «бременцев», выразил надежду на преображение мира с помощью поэзии: “Aus allen goldnen Altern begleiten dich, / Natur, die großen Dichter des Altertums, / Die großen neuern Dichter. Segnend / Seh ich ihr heilig Geschlecht hervorgehn!”¹ [Klopstock, 1962, S. 21] – «Из всех златых столетий избрала ты / Друзей, природа: вновь, как и в древности, / Встают великие поэты, / Благословляя свое призвание» (*пер. Г. Ратгауза*) [приводится по: Вебер, 1985, с. 259].

При этом взгляды Клопштока на предназначение поэта и поэзии, на коллизию «поэт и власть» не совсем понятны вне контекста его диалога с Библией, вне библейской архетекстуальности.

Коллизия «поэт и власть» и предназначение поэта в творчестве Клопштока через призму библейской архетекстуальности

Когда речь идет о Клопштoke, необходимо помнить, что он является одним из крупнейших религиозных поэтов Германии. Еще в 1963 г. это убедительно показал в своей монографии «Клопшток: религия и поэзия» немецкий литературовед Г. Кайзер [Kaiser, 1975]. Поэт активно работал в жанрах духовной оды, религиозно-философского гимна, духовной песни. Его двухтомный сборник «Духовные песни» (*Geistliche Lieder*, 1759), изданный в Копенгагене, был чрезвычайно популярен в Германии. Многие духовные песни Клопштока до сих пор поют немецкие протестанты. Но и в остальной его поэзии практически невозможно провести четкую грань между светским и религиозным. Формирование

¹ «Из всех золотых древних веков сопровождают тебя, / Природа, великие поэты Древности, / Великие современные поэты. Благословенным, / Вижу я, выходит ваше святое поколение».

личности Клопштока, его мировоззренческой позиции, его поэтической манеры невозможно представить вне его глубокой религиозности, постоянного диалога с Писанием.

Как известно, именно чтение и изучение Библии, воспитание в себе способности ощущать близость Бога, переживать встречу с Ним, как некогда переживали ее патриархи и пророки, строгие этические критерии, нацеленные на нравственное самосовершенствование личности, ее индивидуальную ответственность перед Богом, характерны для пietизма, в лоне которого закладывались основы личности Клопштока. Известно также, что пietисты отвергали излишнюю опеку официальной церкви в жизни человека и культивировали общение верующих вне ее стен, создавая собственные братства и выбирая пасторов.

Помимо того, что Клопшток был «учеником греков», как называет он себя в одной из своих ранних од (*Lehrling der Griechen*, 1747), он в еще большей степени – и как человек, и как поэт – был воспитан на Библии. Восторженную оду Клопшток посвятил немецкой Библии и ее создателю, Мартину Лютеру, благодаря которому Библия вошла в каждый немецкий дом, стала самой читаемой и издаваемой книгой, – «Немецкая Библия» (*Die deutsche Bibel*, 1784). Более того, поэт говорит, обращаясь к Лютеру, что он через перевод Библии «сформировал язык страны» (“*Landes Sprache bildetest*” [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 112]). Библия сыграла роль «осевого» архетекста, т.е. смыслополагающего и текстопорождающего текста, в творчестве Клопштока. Библейские представления о природе земной власти, ее соотношении с Божественной, о предназначении подлинной поэзии, инспирированной самим Небом, оказали на него большое влияние, равно как топика и стилистика пророков и псалмопевцев – на его поэтические принципы.

В контексте культур Древности древнееврейская культура и сформировавшаяся в ее рамках Библия выступают с совершенно особым взглядом на природу монарха и царской власти. Если все языческие культуры (египетская, шумерская, аккадская, ханаанейско-финикийская, эллинская) полагали, что их цари – полубоги, происходящие по одной линии от божества, то для библейских авторов это обычные люди, но несущие повышенную ответственность перед Богом, народом, историей. Вся Библия проникнута духом неприятия автократии – ничем не ограниченной власти зем-

ного царя. В системе библейских ценностей подлинным Царем может быть только Бог – абсолютная Духовность и нравственный Абсолют. Идеальное общественное устройство, согласно Библии, – община верующих, для которых заповеди являются внутренним законом, а единственным высшим авторитетом – Бог. В I в. н.э. выдающийся еврейско-римский историк Иосиф Флавий, писавший на греческом, нашел слово для обозначения этого идеала в работе «Против Апиона: о древности еврейского народа» – теократия – и не в смысле власти священников, но в смысле подлинного Бого-властвия. Но так как этот идеал невероятно высок и труднодостижим, Бог, в силу несовершенства мира, неспособности людей до конца нести ответственность перед Ним и друг другом, дает согласие на монархию.

В 1-й Книге Самуила (1-й Книге Царств) описывается ситуация, когда старейшины Израиля просят у пророка Самуила поставить над ними царя, чтобы быть похожими на другие народы: «...чтобы он судил нас, как у прочих народов» (*1 Цар 8:6*)¹. Растерянный пророк, воспринимающий это как недоверие народа себе, обращается к Богу за советом. Господь утешает его: «...не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб я не царствовал над ними» (*1 Цар 8:7*). Через Своего пророка Бог предупреждает народ о возможных последствиях власти царя, который будет угнетать, выжимать последние соки из людей: «И восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда» (*1 Цар 8:18*). Однако народ не внял голосу Бога и Его пророка и сказал: «...нет, пусть царь будет над нами; // И мы будем, как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить перед нами, и вести войны наши» (*1 Цар 8:20*). В этом есть свои резоны: время трудное, народ порабощен филистимлянами и ведет партизанскую войну, у него нет централизованного государства и регулярной армии. В силу этого Бог дает согласие на избрание царя, но дает понять, что монархия – отступление от подлинного пути, некоторое отвержение Его.

Таким образом, монархия приемлема, но лишь как терпимое зло, как вынужденная необходимость. Однако крайне важно, чтобы царем не стал самозванец, по трупам идущий к власти, как это

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, Синодальный перевод.

сделал Авимелех, история которого представлена в Книге Судей. Поэтому избрание первого израильского царя – Саула – происходит по священному жребию в присутствии всего народа, и за этим жребием стоит воля Божья. Важно, чтобы на троне был человек, который обладает особым духовным потенциалом и на которого именно поэтому указал Бог. И крайне важно, чтобы царь прислушивался к пророку, статус которого выше статуса царя и даже священника, ведь именно пророк напрямую слышит Слово Божье и несет его. При этом даже царь, помазанный по указанию Бога быть пастырем своего народа, может не выдержать груза возложенной на него ответственности, ведь человеку дана свобода воли, ему свойственно преувеличивать свои способности и потакать своим амбициям. Это постепенно происходит и с Саулом. В его драматическом жизнеописании представлена трагическая парадигма судьбы и гибели человека, который не вынес груза возложенной на него ответственности.

Со времени создания Израильского царства возрастает роль пророков, которые выступают строгими воспитателями и критиками царей и всего народа. Пророк всегда приходит туда, куда не зовут, и говорит то, чего не хотят слышать, – порой самые резкие и нелицеприятные слова. Легитимность власти царя как раз определяется тем, насколько он прислушивается к голосу пророка – голосу Самого Бога, как это происходит с Давидом. Но даже этот лучший из царей, сам наделенный пророческим даром, основоположник великой поэзии псалмов, дому (роду) которого пророк Натан (Нафан) возвещает особое предназначение Божье (именно из рода Давида выйдет эсхатологический Спаситель, Помазанник Божий – Мессия), подвергается суровой критике пророка за грех с Бат-Шевой (Вирсавией) и устранение ее мужа Урии (см. 2 Цар 11). И не каждый из царей находит в себе мужество, как Давид, прилюдно признать: «... согрешил я перед Господом» (2 Цар 12:13). Именно за это искреннее покаяние смягчен приговор Божий («...ты не умрешь» – 2 Цар 12:13), но всю оставшуюся жизнь Давид будет нести ответственность за свое преступление, воспринимая страшные потрясения и беды в своем царстве как справедливое наказание Божье.

Однако не все цари столь совестливы, как Давид или Соломон (именно поэтому представление об идеальном, истинно человечном и справедливом царе отодвигается библейским сознанием

к концу неправедной истории и связывается с ее кардинальным преображением). Библия в духе своего сурового и горького реализма демонстрирует, что власть, особенно ничем не ограниченная, деформирует любого человека, даже изначально неплохого, часто превращает его в тирана и чудовище. Именно поэтому в эпоху единого Царства, затем расколившегося на северное – Израильское – и южное – Иудейское – возрастает роль пророков, которые выступают как хранители чистоты веры, строгие воспитатели народа, обличители царей, борцы за социальную справедливость. Коллизия «пророк и царь» отныне становится ведущей в Книгах Царств и особенно ярко преломляется в истории противостояния пророка Илии неправедной царской чете – Ахаву и Иезавели. Пророк Илия расчистил дорогу «письменным» пророкам (авторам пророческих книг), которые продолжили бескомпромиссную критику власти имущих и знати. Так, первый из «письменных» пророков, Амос, проповедь которого началась в 760 г. до н.э. и который заложил основы неповторимого синтетического жанра пророческой книги, обличает царя и знать Северного царства, обретенного на гибель несмотря на свое внешнее процветание: «...Вы, что суд превращаете в яд / и правду повергаете во прах!.. <...> / За то, что вы гнетете бедняка / и поборы хлебом берете с него, – / вы построите каменные дома, / но вам не придется в них жить» (*Ам 5:7, 11*); *пер. С. Аверинцева* [приводится по: Аверинцев, 1983, с. 285].

Пророки первыми в истории человечества утверждают притом этики над культом, выдвигают этический критерий как определяющий в судьбе каждого человека и народа. Изменить судьбу, предотвратить катастрофу, любые внешние напасти можно только путем внутреннего преображения, возвращения к Богу, восстановления социальной справедливости: «...но пусть льется правосудие, как вода, / и правда – как обильный поток!» (*Ам 5:24*); *пер. С. Аверинцева* [приводится по: Аверинцев, 1983, с. 285]. В глазах пророков – в глазах Божьих – будущее есть только у того общества, которое стремится выстроить себя по законам справедливости и нравственности, на основе выполнения заповедей взаимопомощи, сострадания, любви. Тех же, кто не может и не хочет этого достичь, тиранов, угнетателей, криводушных, неправедных судей, которые «продают правого за серебро и бедного – за пару сандалий» (*Ам 2:6*), ждет суд Божий – единственно справедливый и окончательный.

тельный, и особенно Высший (Страшный) Суд в конце истории, перед началом Мессианской эры. Одним из создателей библейской эсхатологии был именно пророк Амос, который первым употребил термин «День Господень» – День Гнева, День Суда, День Прозрения. Эта линия была продолжена последующими пророками – Осиеем, Исаией, Иеремией и др.

Духовные парадигмы, представленные в исторических и пророческих книгах, оказались чрезвычайно важными для Клопштока, который ощущает себя преемником библейских пророков, поэтом-пророком. Несомненно, этому способствовало и то, что все пророки были прирожденными поэтами, обладали мощным творческим воображением, метафорическим мышлением, мастерски владели словом, ритмом и использовали этот дар в своей проповеди. Особенno выдающимися художественным качествами обладает Книга Пророка Исаии, представляющая собой поэму-проповедь. В целом пророки часто обращались к стихотворной форме, к языку поэзии, чтобы «глаголом жечь сердца людей». Именно поэтому идеи пророческих книг, их топика и стилистика оказываются очень близкими Клопштоку, особенно в его гневной, обличительной гражданской и политической лирике. Так же, как у пророков, в поэзии Клопштока соединяются высокий религиозно-этический пафос, высокий стиль, сложный метафорический язык и острое, хлесткое слово, временами просторечие, как в оде «Восхваление князей», где он именует мнящих себя сильными мира сего и их прислужников «тараканами» (*Kakerlaken*), «корангутанами» (*Orangutane*), «полулюдьми» (*Halbmenschen*), «похотливыми чревоугодниками» (*lustende Schwelger*) [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 11–12]. Это вызывает в памяти, например, гневные слова Иеремии, который называет царя и его подданных прелюбодеями и саркастически замечает: «Это – откормленные кони; каждый из них ржет на жену другого» (*Иер 5:9*). Открыто обличая неправедного царя Иоакима, пророк говорит: «...твои глаза и сердце твое обращены лишь к корысти, / к пролитию крови невинной, к насилию и грабежу. // Поэтому так говорит Господь о Иефайакиме, / сыне Йошийагу, царе Иудейском: / не будут причитать по нем: / “Увы, брат мой! увы, брат мой!”, / не будут причитать по нем: / “Увы, государь! увы, владыка!” // Погребен он будет ослиным погребением, / поволокут его и бросят за ворота Йерушалаима» (*Иер 22:17–19*; пер. наш. – Г.С.).

Как и пророки, Клопшток говорит о неизбежном гневе и суде Божьем для всех тиранов и их прислужников, как в finale «Восхваления князей», призывает приход подлинного Судии – «искателя истины»: “Denn o wo ist der sorgsame Wahrheitsforscher, / Der geht, und die Zeugen verhört? Geh hin, noch leben die Zeugen, / Und halte Verhör, und zeih, wenn du kanst, / Auch mich der Entweihung!”¹ [Klopstock, 1798, Bd. 2, S. 12].

Поэт убежден, что он никогда не осквернит себя ни служением неправедным властителям, ни даже просто компромиссом с ними, как не шли на этот компромисс библейские пророки.

Стилистика пророков, их ритмика, напоминающая свободный стих, но главное – представление о высоком предназначении поэта, слово которого – «святое слово», прямо продолжающее священную миссию пророков, чрезвычайно значимы для Клопштока. Это достаточно глубоко показал Б. Малиновски в монографии ««Святым будь мое слово»: парадигмы профетической поэзии от Клопштока до Уитмена» [Malinowski, 2002].

Не менее важную архетекстуальную роль в поэзии Клопштока играет Книга Псалмов (Псалтиры) – антология древнееврейской религиозно-философской лирики (см. подробнее [Синило, 2019]). Английская исследовательница К.М. Коль справедливо указывает в качестве важнейших истоков поэзии Клопштока «классическую оду, библейский псалом, бардовскую песнь Оссиана» [Kohl, 2000, S. 84]. Неслучайно И.Г. Гердер, первым увидевший в Библии шедевры древней поэзии и исследовавший библейские тексты в единстве богословского и литературоведческого подходов, особенно увлеченный поэзией псалмов и переводивший их на немецкий язык, в числе продолжателей этой поэзии называет прежде всего Клопштока, именуя его «немецким Асафом» [Herder, 1880, S. 222]. Такое уподобление весьма уместно, если помнить, что с именем Асафа связываются резкие, обличительные по отношению к земным царям псалмы, в том числе знаменитый Псалом 82 / 81-й, известный в переложении Г.Р. Державина под названием «Властителям и судиям». В словах Асафа и других псалмопевцев

¹ «Ибо о где же внимательный Искатель истины, / Который грядет и свидетелей слышит? Приди, еще живы свидетели, / И допроси, и уличи, если ты можешь, / И меня в скверне!»

Клопшток, безусловно, находил поддержку своим мыслям и чувствам, высокий пример истинно гражданской позиции и исполнения подлинного предназначения поэта – бесстрашно говорить правду в лицо земным владыкам.

Однако еще в большей степени, нежели фигура одного из псалмопевцев – Асафа, для немецкого поэта значим образ Давида как основоположника поэзии, вдохновленной самим Небом. Образ Давида Псалмопевца выступает для него в качестве парадигмы интимного религиозно-духовного опыта в постижении Бога, умении слышать Его голос, преображать этот голос в звуках собственной песни, существовать на пределе жизненных сил, переживать экстатическое состояние восторга. Экстатическая манера Книги Псалмов, непрестанный диалог между человеком и Богом (Я и Вечным Ты, если воспользоваться терминологией М. Бубера), являющийся «осьью» этой библейской книги, невероятно глубокая и тонкая картина души верующего человека, развернутая в ней, становится тем образцом, на который прежде всего ориентируется Клопшток. В его религиозно-философских гимнах возникает образ поэта, чрезвычайно близкий Псалтири: поэт-пророк, говорящий с Самим Богом, облекающий Его Слово в земную вдохновенную песнь и несущий это слово народу. Так, в гимне «Спасителю» (*Dem Erlöser*, 1750) Клопшток, помимо прочего, размышляет над природой поэтического вдохновения. В поэте горит Божественный огонь, потому что его «косвященная рука / С алтаря Бога берет пламя» (“...daß mein geweihter Arm / Vom Altar Gottes Flammen nehme!”) [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 104]. Поэт выступает как посредник между земным и небесным мирами, его служение сродни священнослужению (этую концепцию далее будут по-своему развивать Гёльдерлин, романтики, символисты).

Многочисленными библейскими аллюзиями, в том числе отсылающими к Псалтири, насыщен знаменитый гимн Клопштока «Весеннее празднество» (*Die Frühlingsfeier*, 1759) – первое в немецкой и европейской поэзии произведение, написанное свободными ритмами (in freien Rhythmen), т.е. свободным стихом (верлибром). Поэт рисует грандиозную картину мироздания, как, например, Псалом 104 / 103-й, передает ощущение слияния души человека с душой самой Вселенной, сотворенной Богом, Его приближение к человеку в громыхании грозы, в потоках ливня, в кратком прикос-

новении (дуновении) наступившей после этой грозы тишины (аллюзия на жизнеописание пророка Илии – см. 3 Цар. 19:12). Поэт хочет, чтобы новыми слезами радости истекало его око, чтобы его арфа восславила Господа: “Ergeiß von neuem du, mein Auge, / Freudentränen! / Du, meine Harfe, / Preise den Herrn!”¹ [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 159]. Обращение Псалмопевца к самому себе, к своему сердцу, к своей арфе (в оригинале – нэвель ‘гусли, псалтилья’), к своей песне, чтобы найти силы со всей мощью воспеть Бога, неоднократно встречается в Псалмах (Пс 57/56:8–10; 46/145:1–2; 147/146:1). Клопшток ощущает себя преемником этой великой эстафеты, новым псалмопевцем, поющим Богу новую песнь: “Umwunden wieder, mit Palmen / Ist meine Harf’ umwunden! ich singe dem Herrn! / Hier steh ich. Rund um mich / Ist Alles Allmacht! und Wunder Alles! // Mit tiefer Ehrfurcht schau ich die Schöpfung an, / Denn Du! / Namenloser, Du! / Schufest sie!”² [Klopstock, 1798, Bd. 1, S. 159].

Клопштоку чрезвычайно близка сверхэмоциональная и сверхчувствительная манера Книги Псалмов, особая трепетность и «слезность», присущая библейской поэтике. Кроме того, библейская поэзия (и в особенности Псалтилья) становится одним из источников формирования немецких «свободных ритмов», первоходцем которых был Клопшток (одним из первых в советском литературоведении на это указал М.Л. Гаспаров [Гаспаров, 1989, с. 254]; см. также [Kohl, 1990]).

Все это окажет огромное влияние на молодых Гердера, Гёте, Шиллера, поэтов гёттингенского «Союза Роши», на формирование стиля Гёльдерлина и его представлений о поэте и поэзии. Шиллер неслучайно в статье «О наивной и сентиментальной поэзии» называет Клопштока «кумиром молодежи» (*der Abgott der Jugend*). И дело не только в новаторстве поэтического языка Клопштока, его серафической восторженности, но и в свойственном ему мужестве оставаться самим собой, не угодить тиранической власти, но противостоять ей.

¹ «Истекай по-новому, ты, мое око, / Слезами радости, / Ты, моя арфа, / Восславь Господа!»

² «Увита вновь, пальмами / Моя арфа увита! я пою Господу! / Здесь стою я. Вокруг меня / Все исполнено мощи! и все – чудо! // С глубоким благоговением смотрю я на творение, / Потому что Ты! / Безымянный, Ты! / Сотворил его!»

Заключение

Таким образом, именно Ф.Г. Клопшток становится в немецкой поэзии основоположником подлинной гражданской и политической лирики, исполненной страстного свободолюбия. Одной из центральных коллизий в его поэзии является коллизия «поэт и власть». Ярко репрезентируя важнейшие установки просветительской идеологии и одновременно немецкого пиетизма, Клопшток выступает против тирании, абсолютизма, всех видов узурпации прав человека, отстаивает республиканские идеалы и защищает право народа самому выбирать свой путь и смещать неправедную власть (это связано прежде всего с осмыслением опыта Великой Французской революции). Одновременно поэт осуждает захватнические войны, политику агрессии, равно как и вознесение на вершину власти на волне народного гнева новых узурпаторов, прикрывающихся идеями свободы, равенства, братства. В этом контексте особое внимание немецкий поэт уделяет образу поэта, его месту в обществе, его роли как выразителя универсальных и национальных идеалов, как воспитателя молодого поколения. Клопшток выступил с резкой критикой придворной поэзии, против всяческого раболепия перед властью имущими, сильными мира сего, считая это недостойным подлинного поэта, унижающим его священный дар. В представлении Клопштока поэт – посланник Неба, медиум, соединяющий земной и небесный миры, наследник библейских пророков и псалмопевческой традиции царя Давида. Поэт несет ответственность прежде всего перед Богом, перед собственной совестью, перед историей и не имеет права, как и пророк, запятнать себя лестью и ложью – ни по отношению к народу, ни тем более перед властью имущими. Поэт – тот, кто несет Божественную истину и говорит ее в лицо князьям и тиранам. Взгляд Клопштока на предназначение поэта имеет под собой прочные библейские основания и реализуется в его поэзии в постоянном диалоге с Библией, прежде всего с пророческими книгами и Книгой Псалмов. Одновременно Клопшток утверждает великую власть поэзии над умами и душами людей и стремится подключить все известные ему художественные средства, в первую очередь сверхчувствительность, сверхэмоциональность, присущие ему как ярко выраженному поэту-сентименталисту, особый новаторский язык поэзии,

чтобы достучаться до человеческих сердец. Именно таким – поэтом, возносящим в мир духовный и противостоящим всяческой тирании, – Клопшток был воспринят молодыми Гердером, Гёте, Шиллером, а вслед за ними Гёльдерлином. Но и для лирика ХХ в. Иоганнеса Бобровского Клопшток – «взыскательный мастер» (Zuchtmeister), воплощение совести, гражданского мужества, тот, кто говорит, как и библейские пророки, о необходимости признания вины и покаяния, о невозможности унизить поэтический дар компромиссом или сотрудничеством с неправедной властью.

Список литературы

Аверинцев С.С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы : в 9 т. / редкол.: Г.П. Бердников (отв. ред.), Ю.Б. Виппер (зам. гл. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1983. – Т. 1. – С. 271–302.

Вебер П. Литература эпохи Просвещения, (1700–1789) / пер. А. Гутнина и Т. Холодовой // История немецкой литературы : пер. с нем. : в 3 т. / коллектив авторов под рук. К. Бётхера и Г.Ю. Геердтса ; общ. ред. и предисл. А. Дмитриева. – Москва : Радуга, 1985. – Т. 1. – С. 211–328.

Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. – Москва : Наука, 1989. – 303 с.

Гейман Б.Я. Клопшток // История немецкой литературы : в 5 т. / редкол.: Н.И. Балашов, В.М. Жирмунский, Б.И. Пуришев, Р.М. Самарин, С.В. Тураев, И.М. Фрадкин. – Москва : Издательство АН СССР, 1963. – Т. 2. – С. 160–178.

Гёте И.В. Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонтса. – Москва : Художественная литература, 1976. – Т. 3 : Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. Н. Ман. – 718 с.

Синило Г.В. Жанровые и стилевые новации в лирике Ф.Г. Клопштока // Другой XVIII век : сб. науч. работ / под ред. Н.Т. Пахсарьян. – Москва : МГУ, 2002. – С. 121–134.

Синило Г.В. Библейская «слезность» и особенности стиля сентименталистов (на примере поэзии Ф.Г. Клопштока) // XVIII век : смех и слезы в литературе и искусстве эпохи Просвещения : колл. монография / под ред. Н.Т. Пахсарьян. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. – С. 324–347.

Синило Г.В. Книга Псалмов как архетекст религиозно-философской лирики Ф.Г. Клопштока // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2019. – № 3. – С. 15–30.

Тураев С.В. Немецкая литература // История всемирной литературы : в 9 т. / редкол.: Г.П. Бердников (отв. ред.), Ю.Б. Виппер (зам. гл. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1988. – Т. 5. – С. 193–244.

Herder J.G. Sämtliche Werke : in 33 Bde / hrsg. von B. Suphan. – Berlin : Weidmann, 1877–1913. – Bd. 12 : Vom Geist der Ebräischen Poesie 2. – 1880. – 455 S. – URL: <https://archive.org/details/herderssamtliche08herd/page/n7> (accessed 16.12.2019).

Kaiser G. Klopstock : Religion und Dichtung. – 2., durchges. Auflage. – Kronberg (Taunus) : Scriptor-Verlag, 1975. – 371 S.

Klopstock F.G. Oden : Erster und Zweyter Band. – Leipzig : Göschen, 1798. – Bd. 1. – XII, 331 S.; Bd. 2. – VIII, 308 S. – URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Klopstock,+Friedrich+Gottlieb/Gedichte> (accessed 15.07.2019).

Klopstock F.G. Ausgewählte Werke. – München : Carl Hanser, 1962. – 1384 S.

Kohl K. Friedrich Gottlieb Klopstock. – Stuttgart : Metzler, 2000. – 228 S.

Kohl K. Rhetoric, the Bible, and the origins of free verse : the early “Hymns” of Friedrich Gottlieb Klopstock. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1990. – xii, 322 p.

Malinowski B. “Das Heilige sei mein Wort”. Paradigmen prophetischer Dichtung von Klopstock bis Whitman. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2002. – 464 S.

Wort und Schrift – Das Werk Friedrich Gottlieb Klopstocks / hrsg. von K. Hilliard, K. Kohl. – Tübingen : Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle, 2008. – VII, 279 S.

References¹

Averintsev, S.S. (1987). Drevneevreyskaya literatura. In Ju.B. Vipper et al. (Eds.), *Istoriya vsemirnoi literatury* (Vol. 1, pp. 381–383). Moscow: Nauka.

Weber, P. (1985). Literatura epokhi Prosvetsheniya, (1700–1789). In K. Böttcher & H.J. Geerdt (Eds.), *Istoriya nemetskoy literatury*. (Transl. from German; ed. and preface by A. Dmitriev, vol. 1, pp. 211–328). Moscow: Raduga.

Gasparov, M.L. (1989). *Ocherk istorii evropeyskogo stikha*. Moscow: Nauka.

Geiman, B. Ya. (1963). Klopstock. In N.I. Balashov et al. (Eds.), *Istoriya nemetskoi literatury* (Vol. 2, pp. 160–178). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.

Goethe, J.W. (1976). *Sobranie sochinenij: v 10 t.* (A. Anikst & N. Vilmont, Eds.; Vol. 3: Iz moej zhizni. Poe'ziya i pravda). Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Sinilo, G.V. (2002). Zhanrovye i stilevye novacii v lirike F.G. Klopstocka. In N.T. Pakhsaryan (Ed.), *Drugoy XVIII vek: sbornik nauchnykh rabot* (pp. 121–134). Moscow: Moscow State University.

Sinilo, G.V. (2018). Biblejskaya «sleznost» i osobennosti stilya sentimentalistov (na primere poe'zii F.G. Klopstocka). In N.T. Pakhsaryan (Ed.), *XVIII vek: smekh I slyozy v literature i iskusstve epokhi Prosvetsheniya: kollektivnaya monografija* (pp. 324–347). Saint Petersburg: Aleteyya.

Sinilo, G.V. (2019). Kniga Psalmov kak arxetekst religiozno-filosofskoj liriki F.G. Klopstocka = The Book of Psalms as the Archetext of F.G. Klopstocks Religious-Philosophical Lyrics. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Journal of the Belarusian State University. Philology*, (3), 15–30.

Turaev, S.V. (1988). Nemeckaya literatura. In Ju.B. Vipper et al. (Eds.), *Istoriya vsemirnoi literatury* (Vol. 5, pp. 193–244). Moscow: Nauka.

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле «American Psychological Association» (APA) 6th edition.

Herder, J.G. (1880). *Sämtliche Werke: in 33 Bände* (Hrsg. von B. Suphan, Bd. 12: Vom Geist der Ebräischen Poesie 2). Berlin: Weidmann. Retrieved from <https://archive.org/details/herderssamtliche08herd/page/n7>

Kaiser, G. (1975). *Klopstock: Religion und Dichtung* (2nd ed.). Kronberg (Taunus): Scriptor-Verlag.

Klopstock, F.G. (1798). *Oden: Erster und Zweyter Band*. Leipzig: Göschen. Retrieved from <http://www.zeno.org/Literatur/M/Klopstock,+Friedrich+Gottlieb/Gedichte>.

Klopstock, F.G. (1962). *Ausgewählte Werke*. München: Carl Hanser.

Kohl, K. (2000). *Friedrich Gottlieb Klopstock*. Stuttgart: Metzler.

Kohl, K. (1990). *Rhetoric, the Bible, and the Origins of Free Verse: The Early "Hymns" of Friedrich Gottlieb Klopstock*. Berlin; New York: de Gruyter.

Malinowski, B. (2002). "Das Heilige sei mein Wort". *Paradigmen prophetischer Dichtung von Klopstock bis Whitman*. Würzburg: Königshausen & Neumann.

Hilliard K., & Kohl, K. (Eds.). (2008). *Wort und Schrift – Das Werk Friedrich Gottlieb Klopstocks*. Tübingen: Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle.